УДК 811.161.1'04 Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2015. Вып. 2

Е. В. Генералова

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАЗГОВОРНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА XVI–XVII ВВ.[1]

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье на материале Картотеки «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» (СПбГУ) рассматриваются лексико-семантические особенности, характерные для словарного состава разговорного языка бытового общения: преобладание номинативной лексики; обилие конкретной лексики; наличие ряда лексем просторечного характера и регионализмов; моносемантичность лексики; наличие слов с контекстуально широким значением, ослабленным лексическим значением, недифференцированной семантикой; преобладание метонимических типов переноса значения над метафорическими; среди глаголов и качественных прилагательных — использование «базовых», высокочастотных слов с широкой семантикой. Анализ фактического материала с применением статистических методов исследования показывает, что, при всей сложности изучения разговорного языка по письменным источникам, продуктивна реконструкция ряда характеристик этой языковой разновидности. Библиогр. 22 назв. Табл. 1.

Ключевые слова: разговорный язык XVI–XVII вв., обиходный язык, лексико-семантическая система, просторечие, семантика.

LEXICO-SEMANTIC CHARACTERISTICS OF COLLOQUIAL RUSSIAN LANGUAGE OF THE 16TH–17TH CENTURIES

E. V. Generalova

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Based on the material from the "Dictionary of everyday language of Moscow Russia of the 16th–17th centuries" (St. Petersburg State University) card index, the article looks at the following lexico-semantic features that are typical for the lexicon of the colloquial everyday language: prevalence of the nominative lexica, plenty of the concrete lexica, the available regional words and words of the low colloquial character, prevalence of the single meaning words, available words with contextual broad meaning and undifferentiated semantics, domination of the metonymic transfers over metaphors. Though the research of the colloquial language in diachronic aspect based on the written texts is very complicated, the analysis that uses the statistic methods shows that the reconstruction of some characteristics of this language type is possible and effective. Refs 22. Table 1.

Keywords: colloquial language of the 16th–17th centuries, everyday language, lexico-semantic system, low colloquial words, semantics.

Период XVI–XVII вв. (период Московской Руси), как известно, отличается сложной языковой ситуацией, когда помимо разговорного языка функционирует несколько отличающихся и генетически, и функционально письменных языков.

Устная разновидность, складывающаяся в это время как единая система, обозначается исследователями как московское просторечие [1], собственно разговорный язык и разговорная речь[2] (см., например: [2, 3, 4]), народно-разговорный язык (см., например: [5, 6]), обиходный язык (понятие, введенное Б. А. Лариным [3, 7] и характеризующее в первую очередь сферу общения, а именно бытовую коммуни-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-04-00423а).

[2] В задачи настоящей работы не входит освещение проблемы соотношения языка и речи, отметим лишь, что при исследовании этого вопроса в диахронии термины «разговорный язык» и «разговорная речь» используются фактически как синонимы.

кацию), обиходно-разговорный язык (комбинированный термин, обозначающий устную форму бытования обиходного языка) [7, с. 26].

Важный дискуссионный вопрос — лингвистическая база изучения этого языка. Фактически ее составляют письменные памятники, созданные, как принято говорить, на народно-разговорной основе, но неоднозначно решается вопрос, какие именно тексты могут быть включены в этот круг. Так, в список источников «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» (далее — СОРЯ), соответственно проекту Б. А. Ларина, включены памятники и частно-деловой письменности, и семейной и дружеской переписки, и посадской литературы, и русской демократической сатиры, и сборники пословиц и былин, и даже такие памятники, как «Послания Ивана Грозного», «Домострой», «Житие протопопа Аввакума» [8, с. 5–6]. Принципиально, что лексика этих памятников демонстрирует неоднородный состав складывающегося национального языка и его разговорной разновидности: имеет место не избирание исключительно лексики бытового общения, а как раз соприкосновение и взаимовлияние разных лексических пластов.

Встает и вопрос, насколько корректно говорить о разговорном языке на базе исключительно письменных источников. Б. А. Ларин подчеркивает, что «отражение разговорного языка в письменности XV–XVII вв. всегда обобщено, обеднено, лишено конкретных деталей, подведено под нормы письменного языка» [3, с. 5–6], — т. е. обобщение при исследовании разговорного языка в диахронии неизбежно и оправданно. Ясно, что народно-разговорный язык не может быть восстановлен как целостная система, однако это не значит, что не является возможным и продуктивным выделение представленных в памятниках элементов и характеристик системы складывающегося языка повседневного общения, причем изучение разных языковых уровней обладает разной результативностью.

В настоящей статье — на материале СОРЯ и находящейся в Межкафедральном словарном кабинете СПбГУ и насчитывающей более 450 тыс. единиц картотеки СОРЯ (КСОРЯ) — предпринято описание лексики народно-разговорного языка XVI–XVII вв. в рамках типологизации лексико-семантических свойств разговорной речи.

Именно в связи со сложностью выделения собственно лингвистической базы и возможностью анализа только письменных источников в попытке описать лексико-семантическую систему разговорного (обиходного) языка часто идут по пути отрицательной характеристики, подчеркивая, что для него не характерны лексика и фразеология церковно-книжного типа языка, слова и выражения, типичные для стиля деловых документов, узкотерминологическая лексика и т. д.

При выделении положительных, сильных элементов системы большую роль играют статистические методы. Так, до известной степени плодотворной представляется идея А. С. Герда об эталонной модели разновидности языка — системном ядре, включающем в себя статистически сильные единицы языка, единой инвариантной системе, представленной в памятниках разных ареалов, в которых статистически доминирует определенная языковая эталонная модель [9, с. 6]. Однако, поскольку языковая разновидность выделяется на основе статистических критериев и соответственно большую роль играют конкордансы к текстам, мы в определенном смысле попадаем в порочный круг: нет образцовых текстов разновидности разговорного языка, на основе которых могла бы быть выделена статистическая модель

складывающегося языка повседневного общения, поэтому можно говорить только о гипотетической эталонной модели.

1. Лексические характеристики системы народно-разговорного языка XVI–XVII вв.

1.1. Преобладание в словнике номинативной лексики

Статистический анализ лексики памятников, созданных на народно-разговорной основе, и словника КСОРЯ позволяет сделать вывод о преобладании в словнике, характерном для этой языковой разновидности, номинативной лексики.

В своей монографии «Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. (на материале иностранных руководств для изучения русского языка)» О. С. Мжельская, характеризуя лексический состав иностранных разговорников для изучения русского языка, приводит следующие цифры: 52% лексики разговорников составляют имена существительные, 15% — имена прилагательные, 18% — глаголы, 7 % — наречия [10, с. 41]. Тот факт, что более половины словника составляют существительные, как пишет О. С. Мжельская, «вполне объясним, поскольку именно с предметной лексики начинается изучение иностранного языка» [10, с. 41].

Действительно, руководства для иностранцев по изучению русского языка — это памятники, для которых наиболее характерно преобладание номинативной лексики. Но такие выводы позволяет сделать и общий анализ словника КСОРЯ: так, из уже обработанной первой трети словника КСОРЯ по опубликованным 6 выпускам СОРЯ описано 8430 слов, из них 3833 слов, т. е. 45,5 %, — это имена существительные, 1799 слов, т. е. 21,3 %, — имена прилагательные. Таким образом, 66,8 % (2/3 словника) составляют имена существительные и прилагательные (таблица).

Таблица. **Количество имен существительных и прилагательных по отношению ко всему объему словника (по опубликованным материалам СОРЯ).**

Выпуск	Всего	Существительные	Прилагательные
1 (А-бязь)	1734	918	498
2 (В-вопь)	1442	613	244
3 (Вор — вящий)	1536	407	201
4 (Гагара — гуща)	1010	577	248
5 (Да — дотянуть)	1104	428	220
6 (Доучиваться-заехать)	1604	890	388
Итого	**8430**	**3833**	**1799**
	100%	**45,5 %**	**21,3 %**

Была проведена и приблизительная оценка неопубликованной части картотеки, подтвердившая эти результаты.

1.2. Обилие конкретной лексики и увеличение ее количества в языке в этот период

Сам факт наличия в памятниках конкретной лексики не доказателен (хорошо известны исследования о конкретной лексике, например, в памятниках книжного

характера). Здесь тоже важно процентное соотношение, и анализ лексики, в частности существительных, показывает, что предметно-бытовая лексика составляет не менее 15–20% всех имен существительных.

Перечень тематических групп лексики, бурно обогащающихся в XVII в. за счет народного словаря, убедительно доказывает этот тезис. При этом важно, что все указанные группы выделяются прежде всего на основе народно-разговорного языка. Е. М. Иссерлин подчеркивает, что основной путь обогащения языка конкретной лексикой во второй половине XVII в. выражался в широком усвоении народного словаря [11].

Более того, количество этих слов в языке стремительно увеличивается именно в преднациональный период развития русского языка. Г. В. Судаковым на основе изучения целого ряда лексических групп предметно-бытовой лексики был сделан вывод, что «количественное увеличение предметно-бытового словаря в языке Московской Руси — реальное явление истории языка, даже если делать скидку на разный объем и неодинаковые информативные качества текстов, написанных до XV в., с одной стороны, и источников XVI–XVII вв., с другой» [12, с. 301]. Вот некоторые данные сравнительного анализа эволюции лексики по подсчетам Г. В. Судакова: «Так, из 90 с лишним названий обуви лишь 14 отмечены в письменных памятниках до XVI в., 22 — впервые фиксируются в XVI в., а остальные — в XVII в. Среди 45 названий верхней одежды, общей для лиц обоего пола, насчитывалось 10 лексем, известных до XVI в., 14 фиксируются впервые в текстах XVI в., а 21 — в источниках XVII в. В текстах XVI в. отмечено 10 новых наименований головных уборов, а в XVII в. — более 30» [12, с. 301] и т. д. и т. п.

1.3. Наличие лексем просторечного характера.

Понятие просторечия достаточно сложно, особенно в диахронии. Большой вклад в разработку этого вопроса внес Ю. С. Сорокин, выявив неоднородность и историческую изменчивость содержания категории просторечия [13, 14].

Б. А. Ларин подчеркивал, что в диахронии термин «просторечие» «означал не сниженную, а общую разговорную речь в противоположность книжному письменному языку» [3, с. 5–6].

Естественно, выделение просторечных элементов не может быть полноценно проведено на материале языка XVI–XVII вв., прежде всего в связи с отсутствием кодифицированного литературного языка, поэтому можно говорить лишь об элементах просторечного характера, тяготеющих к просторечию, о лексике — основе будущего просторечия. Согласно выводам Г. П. Князьковой, исследовавшей просторечную лексику в памятниках XVIII в., просторечие как система существует с XVIII в. [16]. Однако памятники XVI–XVII вв. демонстрируют сложение этой системы: в языке XVI–XVII вв. выделяется ряд элементов, составляющих базу будущего просторечия.

В связи с предложением Г. П. Князьковой в ряде случаев разграничивать неэкспрессивное и экспрессивное просторечие [15, с. 152–182] среди такой лексики можно выделить:

а) неэкспрессивные лексемы просторечного характера, например:

бабенцо ‘жена’: «Вели мне обженит малчика своягo вь своеи вотчине потому что *бабенцо* заскорбело и щишек сварит некому» (ИНРЯ, 236, XVII — н. XVIII в.);

денежки ‘то же, что *деньги*’ (средства платежа, обращения): «Милосердый государь … пожалуй холопа своего, вели дать на кормъ *денежекъ*, какъ тебѣ государю Богъ известит» (Ст. печ. пр., 14, 1613 г.);

диковина ‘нечто удивительное, необыкновенная вещь’: «Обломокъ камени Катеринка сказала дуб лежал в водѣ и окаменел а она держала у себя для *диковины*» (МДБП, 271, 1643 г.);

вподлинно ‘точно, наверняка’: «Он [Маркушка] про тѣ животы мужа моево [А. Протопоповой] *вподлинна* вѣдает» (МДБП, 202, 1659 г.);

вприехать ‘прибыть, приехать куда-л.’: «Бѣлогородецъ снъ боярскои Нехарошеи Литвинав *вприехав* в Бѣлогородцкои уездъ… по обыском откозал… дѣвки Аринки Яковлевскои… на прожитак помѣстье» (Белгор. отк. кн., 23, 1635 г.);

б) экспрессивные лексемы, среди которых и группа ситуативно использующихся экспрессивных лексем, и лексемы, экспрессивная окраска которых входит в лексическое значение:

вынести ‘похитить украсть’: «Лихие люди, тати что было у меня [крестьянки Прасковьи] хлѣбца, и то все ис клити *вынесли* без остатку, и пить, ѣсти мнѣ съ сынишкомъ стало нѣчево, помираю голодомъ» (ЧО, 87, 1673 г.);

втереться ‘проникнуть в какую-либо среду с помощью уловок’: «А нам де томских указов не слушать, князь Иван да Максим хотят в нашу службу *втеретися*» (Сл. Том., 39, 1627 г.);

брязнуть ‘ударить’: «У Николы тово и не мое смирение было, да не мог претерпеть. Единако Ария, собаку, по зубам *брязнул*. Ревнив был миленькой покойник. Не мог претерпеть хулы на святую Троицу» (Авв. Кн. обличений, 177, 1675 г.).

См. также слова, которые обладали тенденцией преимущественно бранного употребления: *дурак, черт, шишимора* (в бранном выражении *шишимора деревенский*), и, напротив, ласкательного значения: например, лексемы *голубчик, голубушка* в функции обращений к близким людям.

Лексическую базу будущего просторечия составляют и лексемы — особенно прилагательные и наречия, — семантика которых тяготеет к преувеличению, характерному для разговорной речи. См., например, семантику наречий *больно* и *дико*, использующихся с семантикой интенсификаторов:

больно: «А овесъ у нас вызяб *болно* да не соспѣлъ» (Гр. № 137, 1696 г.);

дико: «*Дико* ты уперлесь/упёрси, что мнѣ товару не продашь» (Разг. Фенне, 357, 1607 г.).

Не случайно в словарях современного русского языка использование подобных слов со значением ‘очень, в значительной степени’ (см. *больно понравился, больно тихо, больно умная)* сопровождается пометой «просторечное» (см., напр.: МАС, т. 1, с. 106; Ожегов, с. 47).

1.4. Наличие регионализмов

Исследователи солидарны в констатации территориальной неоднородности народно-разговорного языка Московской Руси: «…Как показывает анализ памятников письменности, средством повседневного общения русских в XVI–XVII вв. был

русский разговорно-бытовой язык диалектного характера, в котором имелось значительное число общерусских средств» [12, с. 68]. Выделение регионализмов в исторических текстах — сложная задача, реализация которой возможна при последовательном сопоставлении материала памятников, созданных на разных территориях, в совокупности с анализом современного диалектного материала. Существенный вклад в историческую диалектологию вносят материалы исторических региональных словарей.

Естественно, конкретные цифры различаются по памятникам, но существенно, что диалектизмы составляют значительную часть словарного состава языка, описываемого как народно-разговорный или обиходный. См. лишь некоторые примеры:

сев. р. ***дертье*** ‘тонкие дощечки для обивки, дранка’: «На хлеве четырехъ сажен одне сены и покрыты *дертием* новым» (Сл. Промысл. 1, 164, 1634 г.) — ср. **Дертьё**. Дранка. Арх. [СРНГ, вып. 8, с. 26];

ср. р. ***должик*** ‘длинное, тонкое бревно’: «Прикажи [матушка] Степану на слабаду чтобы он с крестьянами под горницы посла бу (!) дубовова доброва лесу вывесть *должики* хорошие на подкледъ» (ИНРЯ, 114, XVII — н. XVIII вв.) — ср. **Дóлжик**. Длинное тонкое дерево, употребляемое на слеги. Калуж., курск., орл. [СРНГ, вып. 8, с. 110];

сиб. **гунак** ‘трехгодовалый бычок’: «Увели у него де в ночи со двора корову с *гунаком* и два коня» (Сл. Нерч. I, 154, 1688 г.), — ср. **Гунáк**… Теленок на третьем году жизни. Вост.-Сиб. [СРНГ, вып. 7, с. 231].

Развитая синонимия в памятниках XVI–XVII вв., обусловленная во многом широкой словообразовательной вариативностью, в ряде случаев, вероятно, может быть интерпретирована как соотношение общерусского и местного слов, например: *вторник* — смол. *второк, доработать* — сев. р. *доробить*, *дойник* — ср. р. *доиленка* и т. д.

1.5. Использование «базовых слов» среди глаголов и прилагательных качественной оценки

Еще одна интересная лексико-семантическая особенность народно-разговорного языка — это (при большом количестве конкретных существительных и относительных прилагательных) использование «базовых слов» среди глаголов и прилагательных качественной оценки, т. е. высокочастотных полисемантичных лексем — основ синонимических рядов, имеющих максимально широкую семантику (например, среди прилагательных это «основные» прилагательные *большой, великий, голый, глупый, бедный, малый* и т. п.). В зависимости от контекста эти слова реализуют различное конкретное значение. Так, высокочастотный глагол *держать* известен в памятниках с семантикой ‘взяв в руки удерживать, не выпускать’ (*колъ держалъ*), ‘принуждать оставаться где-л., ограничивать свободу передвижения’ (в том числе ‘удерживать, содержать под арестом’) (*торговых людей держат на рубеже*), ‘предоставлять кому-л. возможность находиться, жить где-л.’ (в том числе ‘укрывать беглых крепостных или преступников’) (*въдовицу деръжатъ в вотчине твоеи*), ‘сохранять в каком-л. состоянии, положении, виде’ *(въ чистотѣ держати*), ‘поместив куда-л., иметь в своем распоряжении, хранить’ (*осетры и стерляди держати в саду*), ‘иметь во владении, иметь в пользовании на определенных условиях’ (*вотчину держати,*

перевоз держати), ‘удерживать какой-л. город, территорию за собой’ (*водяные места держать*), ‘управлять чем-л.’ (*держать кормленья*), ‘иметь в подчинении, на службе’ (*держать наемъных людей, держать в крестьянах)*, ‘обеспечивать средствами к существованию’ (с *крестьянишокъ волосных старост держать*), ‘устраивать, проводить’ (*пир держать*), ‘соблюдать какие-л. правила, установления’ (*держать пост, веру, обычай*), ‘иметь в употреблении, пользоваться’ (*сапожки держит одномастныя, держим четвероконечный крест*), ‘тратить, расходовать’ (*пороху, деньги держать*), ‘(о болезни, физических расстройствах) поражать, охватывать’ *(судорога держит*), ‘(о частях тела) являться источником боли, физических страданий’ (*чрево держит*), ‘относиться каким-л. образом, признавать, считать’ (*князем держать*), ‘совершать какое-л. действие или осуществлять какую-л. деятельность’ (*держать воровство, оберег, оборону*).

Можно видеть, что использование «базовых слов» среди глаголов и прилагательных качественной оценки в народно-разговорном языке Московского периода непосредственно связано с широтой их семантики. Исследователи разговорной речи как особой функциональной разновидности современного литературного языка подчеркивают, что спонтанность разговорной речи «ведет к размыванию семантики слова, к уходу от точных границ его семантической сферы» [16, с. 65]. Таким образом, эта лексико-семантическая черта оказывается универсальным свойством разговорной речи, не подыскивающей специального, наиболее точного слова, и в этом смысле показательна близость обиходного языка XVI–XVII вв. современной разговорной речи.

2. Семантические характеристики системы народно-разговорного языка XVI–XVII вв.

2.1. Моносемантичность лексики

Категория многозначности по-разному реализуется в различных разновидностях языка. Исследование материалов КСОРЯ показывает, что в народно-разговорном языке большинство слов однозначные. Значительную массу однозначных лексем составляли существительные, в большинстве своем конкретные названия предметов, но большое количество прилагательных, глаголов, наречий также однозначны. Процент однозначной лексики в народно-разговорном языке оказывается очень велик — по материалам опубликованных выпусков СОРЯ, 74,4%.

2.2. Наличие слов с так называемым широким значением

Особенностью памятников народно-разговорного языка является наличие слов с так называемым широким или обобщенным значением, хотя понятие широкого значения ни в коем случаем не является терминологичным: под данное понятие подводятся явления совершенно разной природы (см. подробнее: [17], о лексикографической интерпретации таких явлений: [18]).

Во-первых, это лексемы с широким, охватывающим значением и частными предметными реализациями (явление, хорошо известное в разговорной и диалектной речи). Например, слово *голова* имеет как общее значение ‘предмет округлой формы’, так и ряд конкретных реализаций этого значения, используясь с семантикой ‘мера сахара такой формы’, ‘головка лука’, ‘округлое завершение инструмента, детали’.

Во-вторых, обобщающее значение может реализовываться лексемами с контекстуально широкой, фактически ситуативной семантикой. Так, толкование цитаты «И с тех мест и по ся места тех моих *лошедеи* не платит» (Южн. челоб., 1644 г.) практически невозможно без знания, что это челобитная на конского сторожа о возмещении за утерю лошадей. Сложно истолковать значение слова *хлеб* в контексте «Не велите, государи, меня [крестьянина Ф. Иванова], сироту, на правеже в заемномъ *хлѣбѣ* забить на смерть, дайте мнѣ, государи, сиротѣ, сроку до инова году» (ЧО, 1673 г.); *заемный хлеб* здесь — имя ситуации ‘о невозвращении взятого в долг зерна’. Точно так же в контексте «А Курбской от *горла* побѣжалъ, и та измѣна легка» (Польск. д. III, 540, 1567 г.) слово *горло* означает ситуацию ‘о смертной казни путем заливания в горло расплавленного металла’.

В-третьих, есть слова с комплексно-нерасчлененным значением, но их достаточно мало в обиходном языке. См., например, существительное *всячина*, прилагательное *всякий* (в том числе в устойчивом сочетании *всякий разный (розный)*): «*Всякие* многия началныя ратныя люди в город приежжают и *всячину* купят» (В-К V, 125, 1658 г.); «Приехали те богдойские воинские люди со *всяким* огненным боем, с пушки пищальми, и знамена у них *всякой розной* цвет» (Сл. Сибир., 25, 1655 г.).

Таким образом, применительно к фактам истории языка можно, как и применительно к современной разговорной речи, говорить об использовании имен ситуаций, а также слов-«губок», всезначащих слов [19], употребление которых мотивировано ситуацией и значение вне употребления недифференцированно.

Наконец, в памятниках русского языка встречаем ряд лексем, используемых с предельно широким, обобщающим значением, связанным с десемантизацией. Это такие лексемы, как *дело, время, место, обычай, вещь, человек* и некоторые другие. См., например:

> ***дело*:** «А Ивашко де ему Кирилу сказывал ж что Кондратев знакомец застрелилъ ево с лошеди ненарошнымъ ж *деломъ*» (МДБП, 228, 1670 г.);
>
> ***вещь, дело*:** «Да что ты писалъ ко мнѣ о нѣкоторои *вѣщи* [желательной смерти старца Фуфая] и то *дѣло* по твоему приказу сдѣлалось» (СиД, 86, 1636 г.);
>
> ***время*:** «И те де воровские казаки сидели долгое *время*» (Р-Д II-1, 132, 1670 г.);
>
> ***обычай***: «Вшед в город тайным *обычаем*» (Р-Д II-2, 17, 1670 г.).

Именно такое употребление лексем *дело, вещь, человек* и подобных им не в своем основном значении, а с ослабленным (если не вообще утраченным — см. характеристику их как «семантические пустых» [20, 28]) лексическим значением в клишированных моделях — яркая особенность разговорной речи, изучаемой на современном материале [20, с. 27–29, 21].

3. Преобладание метонимических типов переноса значения над метафорическими

Характерной семантической чертой народно-разговорного языка является преобладание метонимических типов переноса значения над метафорическими. В обиходном языке XVI–XVII вв. в целом известны все наиболее существенные виды метонимических переносов. Наиболее популярными оказываются самые древние и конкретные виды метонимических переносов — синекдоха (например, синекдоха

по модели «часть — целое»: «шуба под *бѣлъками* камчатъная» (МДБП, 1688 г.) — ‘животное’ — ‘мех этого животного’) и пространственная метонимия (например, перенос по модели «содержащее — содержимое»: «явил продать меду… 7 *бадеек*» (Сл. Промысл., 1653 г.)). Продуктивна также причинно-следственная метонимия (например, по моделям «материал — изделие»: «да на падводе деветнатцот штук *обы*» (Южн. тамож. кн., 1642 г.), «материал, ткань — отрезок, кусок этой ткани», «объект — предмет, названный в честь него»; в контексте «онъ порядился къ намъ къ *Великомученику* служити» (А. Лодом. ц., 1588 г.) лексема *великомученик* реализует типичное для текстов метонимическое значение ‘церковь, посвященная…’). Метонимические переносы наиболее часты среди конкретных существительных, обозначающих ткани, емкости, названия животных, а из абстрактных существительных — среди обозначений мест (см. подробнее: [22]).

Метафорических переносов меньше. Наиболее часты функциональная и признаковая метафора (или случаи, в которых совмещаются функциональные и признаковые основания). Характерно образование наименований частей предметов по сходству с частями человеческого тела — например, *глотка* ‘верхняя суженная часть сосуда’, *голень* ‘железный стержень’ и т. п.

Выводы

Таким образом, сильными лексическими характеристиками предполагаемой системы разговорного языка являются: преобладание номинативной лексики в словнике; значительное количество конкретной, в том числе предметно-бытовой лексики и рост ее объема, использование лексем просторечного характера и диалектизмов (преимущественно конкретно-бытовой семантики); обилие конкретных существительных и относительных прилагательных; среди глаголов и прилагательных качественной оценки — использование высокочастотных полисемантичных лексем, приобретающих различное конкретное значение в зависимости от контекста.

Семантическими характеристиками системы разговорного языка являются: однозначность лексики; наличие слов с контекстуально широким значением, с обобщающим значением, связанным с десемантизацией; функционирование метонимии как ведущего типа переноса наименования; среди метафорических переносов значения — преобладание признаковой и функциональной метафоры.

Анализ показывает, что эти свойства во многом являются универсальными свойствами разговорной речи. Применительно же к исследованию данной проблематики в диахронии, едва ли разговорный язык XVI–XVII вв. может быть восстановлен как полноценная языковая система, однако именно на лексико-семантическом уровне есть возможность выделить отраженные письменными памятниками особенности, позволяющие во многом реконструировать разговорный язык как определенную языковую разновидность.

Сокращенные названия источников и словарей

Авв. Кн. обличений — *Аввакум*. Книга обличений // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под. ред. Н. К. Гудзия. М., 1960.

А. Лодом. ц. — Акты Лодомской церкви Архангельской епархии. СПб., 1908. (РИБ. Т. 25).

Гр. — Грамотки XVII — начала XVIII в. / изд. подгот. Н. И. Тарабасова и Н. П. Панкратова; под ред. С. И. Коткова. М., 1969.

В-К V — Вести-Куранты 1651, 1652, 1654, 1656, 1658, 1660 гг. / изд. подгот. В. Г. Демьянов; отв. ред. В. П. Вомперский. М., 1996.

ИНРЯ — *Котков С. И., Панкратова Н. П.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М., 1964.

МАС — Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. Изд. 2-е. М.: Русский язык, 1981.

МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / изд. подгот. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968.

Ожегов — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 20-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1989.

Польск. д. — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. III. СПб., 1892 (Сб. РИО. Т. 71).

Разг. Фене — Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov. 1607 / eds L. L. Hammerich and R. Jakobson. Vol. 2: Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970.

Сл. Нерч. — Исторический словарь Восточного Забайкалья: по материалам нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв. / сост. Г. А. Христосенко, Л. М. Любимова. Т. 1. Чита, 2003.

Сл. Промысл. — Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / ред. Ю. И. Чайкина. Вып. 1, 2. СПб., 2003, 2005.

Сл. Сибир. — Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / сост. Л. Г. Панин. Новосибирск, 1991.

Сл. Том. — Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII — начала XVIII в. / под ред. В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. Томск, 2002.

СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1–5 / гл. ред. О. С. Мжельская. Вып. 6; ред. Е. В. Генералова, О. В. Васильева. СПб.: Наука, 2004–2014.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–43. М.; Л./СПб., 1965–2010.

Ст. печ. пр. — Первые месяцы царствования Михаила Федоровича: Столпцы печатного приказа / под ред. Л. М. Сухотина // Чтения ОИДР. 1915. Кн. 4. Отд. 1 и 2. Приложение. С. 1–202.

ЧО — *Арсеньев Ю. П.* Ближний боярин князь Н. И. Одоевской и его переписка с Галицкою вотчиною (1650–1684 гг) // Чтения ОИДР. 1902. Кн. 2. Отд. 1: Челобитные из Покровской вотчины к кн. Н. И. и Я. Н. Одоевским.

Южн. тамож. кн. — Памятники южновеликорусского наречия: Таможенные книги / изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова, Т. Ф. Ващенко, В. Г. Демьянова. М., 1993.

Южн. челоб. — Памятники южновеликорусского наречия: Челобитья и расспросные речи / изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1982.

Литература

1. *Черных П. Я.* Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз Минпросвещения РСФСР, 1952. 314 с.

2. *Кожин А. Н.* Литературный язык Московской Руси. М.: Русский язык, 1984. 184 с.

3. *Ларин Б. А.* Заметки о «Словаре обиходного русского языка Московской Руси» / публ. и примеч. С. С. Волкова // Вопросы теории и истории языка. СПб., 1993. С. 5–9.

4. *Успенский Б. А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 с.

5. *Виноградов В. В.* Взаимодействие народно-разговорной и книжно-письменной речи в образовании национального литературного языка // Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М.: Наука, 1967. С. 92–97.

6. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века / С. И. Котков, Н. П. Панкратова; АН СССР, Ин-т русского языка. М.: Наука, 1964. 312 с.

7. *Ларин Б. А.* Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 22–34.

8. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1. А-Бязь. СПб.: Наука, 2004. Введение. С. 4–17.

9. *Герд А. С.* Лингвистическая типология древнеславянских текстов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 145 с.

10. *Мжельская О. С.* Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. (на материале иностранных руководств для изучения русского языка). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 220 с.

11. *Иссерлин Е. М.* Лексика русского литературного языка XVII века. Материалы к курсу «История русского литературного языка». М.: Моск. полигр. ин-т, 1961. 80 с.

12. *Судаков Г. В.* История русского слова. Вологда: Изд. центр ВИРО, 2010. 336 с.

13. *Сорокин Ю. С.* «Просторечие» как термин стилистики // Доклады и сообщения филологического института. Вып. 1. Л., 1949. С. 124–137.

14. *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка 30–90-х гг. XIX в. М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.

15. *Князькова Г. П.* Русское просторечие второй половины XVIII в. Л.: Наука, 1974. 253 с.

16. *Лаптева О. А.* Живая русская речь с телеэкрана: разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. М.: Эдиториал УССР, 2001. 520 с.

17. *Генералова Е. В.* «Соблазн» обобщающего значения // Актуальные вопросы исторической лексикологии и лексикографии: материалы Всероссийской Академической школы-семинара. СПб.: Наука, 2005. С. 155–162.

18. *Генералова Е. В.* Некоторые спорные вопросы практической исторической лексикографии // Acta Linguistica Petropolitana. Т. 9, ч. 2. СПб.: Наука, 2013. С. 111–129.

19. *Капанадзе Л. А.* Номинация // Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. С. 403–463.

20. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: лексика: коллективная монография / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. 254 с.

21. *Соколова С. В.* Характеристика дискурсивной функции лексем *вещь, дело, штука* в свете корпусных данных // MegaLing 2007. Горизонти прикладної лінгвістики та лінгвістичних технологій. Международная научная конференция. Партенит, 24–29 сентября 2007. Сімферополь, 2007. С. 151–152.

22. *Генералова Е. В.* Метонимия имен существительных в обиходном русском языке XVI–XVII вв. // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX вв.): материалы секции «Историческая лексикология и лексикография». XXXV Междунар. филол. конф. 13–18 марта 2006. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 20–25.

Статья поступила в редакцию 26 января 2015 г.

Контактная информация

Генералова Елена Владимировна — кандидат филологических наук, доцент;
elena-generalova@yandex.ru

Generalova Elena V. — Candidate of Philology, Associate Professor; elena-generalova@yandex.ru